

УДК 347.61/.64

Вынашивание жизни или коммерческая услуга? Анализ современных этических и правовых аспектов суррогатного материнства

Кукреш Яна Олеговна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». Россия, г. Киров.

E-mail: yana.kukresh@mail.ru

Карандашева Эвелина Владимировна,

обучающаяся по программе бакалавриата 2 курса, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». Россия, г. Киров.

E-mail: karandasheva06@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема суррогатного материнства в контексте репродуктивных технологий и правового регулирования в России и мире. Авторы проводят анализ распространенности бесплодия, законодательных подходов различных стран к суррогатному материнству, а также правовых и этических трудностей, с которыми сталкиваются участники процесса. Особое внимание уделяется недостаткам российского законодательства, вызванным отсутствием четких норм, и росту судебных споров на фоне коммерциализации процедуры. Рассматриваются международные инициативы в области унификации правил, а также этические дебаты вокруг превращения вынашивания ребенка в товар и риска эксплуатации женщин из уязвимых групп. В рамках исследования предлагаются пути совершенствования правового поля на основе моделей ответственного партнерства, усиления защиты всех участников процесса и разработки социальных механизмов поддержки.

Ключевые слова: суррогатное материнство, бесплодие, репродуктивные технологии, правовое регулирование.

Для современного общества бесплодие остается проблемой уже большое количество времени, которую в лучшем случае можно констатировать, но почти невозможно решить.

Частота бесплодия в браке колеблется от 8 до 29 %. По оценке специалистов, в Европе бесплодны около 10 % супружеских пар, в США – 8-15 %, в Канаде – около 17 %, в Австралии – 15,4 %. В России доля бесплодных браков достигает 17,5 % и не имеет тенденции к снижению. В России бесплодны 4-4,5 млн супружеских пар.

В 40-60 % случаев бесплодие обусловлено нарушениями репродуктивной функции женщины, в 5-6 % – мужчины, в 27-48 % – нарушениями у обоих супругов, приблизительно в 5 % причину бесплодия выявить не удастся [2].

В настоящее время суррогатное материнство запрещено в некоторых штатах США (Аризона, Мичиган, Нью-Джерси), Австрии, Германии, Канаде, Китае, Малайзии, Непале, Норвегии, Таиланде, Франции, Италии, Исландии, Польше, Сербии, Словении, Швеции, Литве, Эстонии, Японии.

Испанское законодательство допускает суррогатное материнство в стране, где это законно, причем суррогатная мать должна иметь гражданство этой страны. В Великобритании, Нидерландах, Испании, Португалии, Дании, Румынии, Болгарии, Австралии (кроме Северной территории), Новой Зеландии, Бразилии разрешено только некоммерческое (альтруистическое), а в Венгрии – только родственное суррогатное материнство.

В ряде европейских стран (Бельгия, Греция, Чехия) отсутствуют четко прописанные законодательные акты по суррогатному материнству, но по факту оно имеет место.

В российском законодательстве существует легальное определение суррогатного материнства – это «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [1].

Однако закон не регламентирует существенные условия, что порождает правовую неопределенность. Использование генетического материала потенциальных родителей – признак, который вступает в противоречие с процедурой регистрации ребенка. Юридически матерью изначально считается родившая женщина, а не генетическая. Программа для суррогатных матерей доступна только парам или одиноким женщинам, для которых вынашивание ребенка физиологически невозможно (отсутствие матки, пороки развития, тяжелые соматические заболевания и т. д.) [6].

Международное право не имеет единого договора, прямо регулирующего суррогатное материнство, поэтому его роль в основном косвенная. Оно задает общие правовые рамки через нормы о защите прав человека, такие как наилучшие интересы ребенка и право на гражданство. Такие организации, как Гагская конференция, работают над унификацией правил для предотвращения правовых конфликтов и статуса без гражданства. Таким образом, международное право выполняет координирующую роль, его главная цель – обеспечить правовую определенность и защиту для всех участников процесса – ребенка, суррогатной матери и намеченных родителей.

Первые программы суррогатного материнства проводились в отсутствие какого-либо специального регулирования. Единственным ориентиром был п. 4 в ст. 51 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), в котором впервые появилась краткая норма о записи родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, с ее согласия [5]. Эта норма, созданная «на будущее», без детализации, стала краеугольным камнем современных проблем.

В 2010 – 2020-е гг. произошел рост рынка и судебных споров в Российской Федерации, это период, который характеризуется бурным ростом коммерческого суррогатного материнства, в том числе для иностранных граждан. Практика по теме суррогатного материнства столкнулась с пробелами в законе, что привело к взрывному росту судебных разбирательств, формирующих противоречивую судебную практику. Государство заняло позицию невмешательства, что отдало регулирование на откуп частным агентствам и судам.

Этические дебаты вокруг суррогатного материнства в России носят острый характер и напрямую влияют на законодательные инициативы и общественное восприятие.

Главный этический упрек – превращение репродуктивной функции в «товар». Сенатор Елена Мизулина считает, что коммерческое суррогатное материнство необходимо приравнять к торговле людьми. Подобная форма торговли людьми – одна из очевидных угроз всему человечеству, так как способность вынашивать ребенка не должна ставиться в один ряд с обыденными оплачиваемыми услугами. Автор согласен с парламентарием и считаем, что это указывает на риск экономической эксплуатации женщин из уязвимых социальных групп, для которых вознаграждение становится значительным финансовым стимулом, способным подтолкнуть к не до конца осознанному решению.

Так, вице-спикер Государственной думы Ирина Яровая в 2020 г. предложила изменить нормы законодательства, которые касаются суррогатного материнства. По ее словам, «Россия не должна быть инкубатором для иностранных граждан. В законе должна быть четко зафиксирована позиция, что суррогатное материнство допускается только по жизненным показаниям по состоянию здоровья и только гражданам Российской Федерации». Автор считает, что Ирина Яровая права, так как ограничение суррогатного материнства для иностранных граждан может способствовать защите интересов российских семей и обеспечению контроля над процессом, что важно для сохранения культурных и социальных ценностей.

Решение этой проблемы видится не в одном шаге, а в последовательном движении к модели, которую можно было бы назвать «этикой ответственного партнерства». Прежде всего, необходимо изменить сам язык и правовую рамку. Ключевым становится переход от логики «сделки» и «купли-продажи» к логике «возмещения затрат и социальной поддержки». Речь должна идти не о цене за ребенка, а о компенсации документально подтвержденных расходов на особое питание, одежду, медицинские процедуры, а также о выплате, возмещающей потерю заработка на время беременности и восстановления. Фиксированная сумма на реабилитацию после родов и полноценное страхование жизни и здоровья вынашивающей женщины – это не плата за услугу, а акт ответственности и заботы. Одновременно с этим требуется законодательно закрепить статус генетических родителей как единственных и бесспорных с момента рождения ребенка. Это не только снимет почву для шантажа и правовой неопределенности, но и символически отделит акт передачи ребенка от финансовой составляющей, подчеркивая, что женщина дает жизнь ребенку для его биологических родителей, а не продает его им.

Но одних лишь правовых поправок недостаточно. Чтобы противостоять рыночной стихии, необходимо создать прозрачную государственную систему, а не полагаться на прибыльно-ориентированные частные агентства. Центром такой системы должен стать государственный реестр программ суррогатного материнства, где каждая история будет отслеживаться. Решающую роль должны играть этические комитеты при клиниках, которые будут оценивать не только медицинские, но и моральные аспекты будущей программы, одобряя ее лишь в случае, когда доминирующей мотивацией женщины является не только финансовый интерес, но и искреннее желание помочь.

Наконец, необходима работа в сфере общественного сознания. Государство и общественные институты должны мягко, но последовательно продвигать модель альтруистического, безвозмездного суррогатного материнства, когда помощь оказывает близкая подруга или родственница, как высшее проявление человеческой солидарности.

По мнению автора, проблема коммодификации – это не приговор практике суррогатного материнства, а вызов нашему обществу, его способности устанавливать этические границы даже в самых чувствительных сферах. Запрет – это капитуляция перед сложностью вопроса, путь, который заставляет страдать бесплодные пары и может толкнуть самих суррогатных матерей в теневую, криминальную зону с полным отсутствием прав. Подлинное решение – это создание сильного правового и этического каркаса, который превратит потенциально эксплуатационные рыночные отношения в регулируемую, уважительную и социально ответственную практику взаимопомощи. В таком подходе суррогатное материнство может существовать не как бизнес, а как технология, встроенная в систему человеческих ценностей, где достоинство женщины, права ребенка и мечта о семье защищены в равной мере.

Эмоциональная связь, формирующаяся между женщиной и вынашиваемым ребенком, – ключевой этический вызов. С одной стороны, потенциальные родители

живут в страхе, что суррогатная мать не отдаст ребенка. С другой, сама суррогатная мать может переживать серьезную психологическую травму после передачи ребенка, что часто игнорируется в рамках чисто коммерческих отношений.

Интересно, что в случае рождения ребенка с врожденными заболеваниями возможен отказ от него как со стороны генетических родителей (считающих, что патология вызвана поведением суррогатной матери), так и со стороны суррогатной матери (не желающей нести ответственность за больного ребенка). Эта этическая ловушка ставит под вопрос принцип приоритета защиты прав ребенка.

В российском обществе консервативные взгляды на материнство, и суррогатное материнство часто подвергается стигматизации. Суррогатную мать могут обвинять в «продаже детей», а генетических родителей – в «эгоизме» и использовании женщины как «инкубатора». Это создает неблагоприятный социальный фон для всех участников процесса и сдерживает развитие прозрачного и этического регулирования.

Эта эмоциональная связь – не юридическая абстракция, а биопсихологическая реальность, которую наивно и жестоко игнорировать, сводя все лишь к договору и денежному расчету. Страх генетических родителей и потенциальная травма суррогатной матери – две стороны одной медали, свидетельствующие о том, что действующая модель пытается разорвать то, что природой связано воедино. Ужасающая ситуация с возможным отказом от ребенка с патологиями лишь обнажает эту порочность, превращая самого уязвимого участника – ребенка – в предмет торга и разменную монету в случае «бракованного товара».

По мнению автора, решение этой системной этической ловушки в отказе от текущей парадигмы и переходе к модели осознанного партнерства и разделенной ответственности. Прежде всего, необходимо радикально пересмотреть подготовительный этап. Вместо формального подписания договора должен быть введен обязательный, длительный и глубокий психологический сопровождающий процесс для всех сторон. Этот процесс должен быть направлен не на подавление эмоций, а на их проговаривание и проработку. Генетические родители и суррогатная мать вместе с психологом должны исследовать сценарии будущих отношений, говорить о страхах, о том, как будет выстраиваться общение во время беременности и что будет после родов. Речь идет о создании не коммерческой сделки, а особой формы человеческих отношений, построенных на взаимном уважении и понимании общей цели – рождения желанного ребенка.

Для предотвращения трагедии с отказом от ребенка с заболеваниями, договор должен содержать не финансовые санкции, а четкий, заранее согласованный и юридически закрепленный план действий. Такой план должен включать обязательное прохождение медико-генетического консультирования до начала программы с полным информированием всех о возможных рисках. В случае рождения ребенка с патологией, ответственность должна быть четко регламентирована: медицинские страховки, оплачиваемые генетическими родителями, должны покрывать расходы на лечение, а их родительские права и обязанности не должны ставиться под сомнение.

Автор считает, что пытаться решить этические проблемы суррогатного материнства через ужесточение запретов или полную коммерциализацию – тупиковый путь. Подлинное решение лежит в области гуманизации процесса. Общество должно признать, что суррогатное материнство – это не просто технология, а особая форма человеческих отношений, сопряженная с огромными эмоциональными рисками. И строить его нужно не на страхе и деньгах, а на доверии, психологической подготовке и прозрачности. Идеальная модель видится нам как ответственное партнерство, в котором ценность жизни ребенка и психологическое благополучие женщины, подарившей ему жизнь, ставятся выше любого юридического и финансового

соглашения. Только так можно уменьшить стигму, предотвратить трагедии и сделать этот путь к родительству не актом отчаяния, а осознанным, хоть и трудным, актом любви и взаимопомощи.

Еще одной проблемой в данном вопросе является то, что сложившаяся практика органов ЗАГС создает дополнительные барьеры для одиноких генетических отцов, которым часто отказывают в регистрации ребенка. Таким мужчинам приходится доказывать свое отцовство через суд в сложной и длительной процедуре.

В 2021 году заместитель председателя Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Оксана Пушкина указала на ряд противоречий в законопроекте о регулировании вопросов суррогатного материнства. Пушкина выразила опасение, что законопроект может повлечь нарушение конституционных прав человека – на равенство всех перед законом и судом, так как «ограничивает в праве на материнство и отцовство людей, которые не находятся в браке. Семья, брак и рождение детей являются частным делом участников семейных правоотношений. Право на отцовство является таким же естественным, как и право женщины на материнство. Нужно понимать, что если одинокий мужчина воспользовался услугой вспомогательных репродуктивных технологий, то нет никаких оснований причислять его к нетрадиционной ориентации».

Депутат обратила внимание на возрастные рамки для тех, кто может воспользоваться правом на применение технологий суррогатного материнства. «Выбор такой возрастной категории непонятен. Статья 13 Семейного кодекса РФ устанавливает брачный возраст – 18 лет, возраст молодежи повысили до 35 лет, пенсионный возраст увеличили до 60 и 65 соответственно, а статья родителями малыша, выношенного суррогатной матерью, все равно можно только с 25 до 55 лет», – отметила Оксана Пушкина [4].

Парламентарий также не согласилась с нормой о праве воспользоваться суррогатными технологиями лишь женщинам, которые не могут родить ребенка по медицинским показаниям.

Автор полностью согласен с мнением Оксаны Пушкиной, так как ограничение прав на суррогатное материнство для одиноких людей или тех, кто не состоит в браке, может нарушать принцип равенства перед законом. Каждый имеет право на создание семьи и воспитание детей независимо от своего семейного статуса. Запрет на использование суррогатного материнства для одиноких мужчин может быть воспринят как дискриминация, что не соответствует современным социальным и правовым нормам.

Действующая норма, требующая для регистрации одинокого отца предварительного письменного согласия суррогатной матери, порочна по своей сути. Она ставит право мужчины стать отцом в зависимость от воли третьего лица, даже если биологическое родство является научно доказанным фактом. Поэтому ключевое решение – это законодательное закрепление принципа приоритета генетического происхождения для одиноких родителей, как и для семейных пар.

Конкретно это означает, что одинокий генетический отец должен иметь право зарегистрировать ребенка в органах ЗАГС на основании двух ключевых документов: во-первых, договора о суррогатном материнстве, заключенного в установленном порядке, и, во-вторых, генетической экспертизы, подтверждающей его биологическое отцовство. Согласие суррогатной матери в этой ситуации не должно быть сдерживающим фактором; его роль должна сводиться к информированному согласию, данному ею до начала программы, о том, что она понимает и принимает, что родителем ребенка будет являться генетический отец.

Мнение автора заключается в том, что существующая практика не только дискриминирует одиноких мужчин, желающих стать отцами, но и грубо нарушает принцип

защиты прав ребенка. Государство через свои институты обязано обеспечивать ребенку максимально быстрое и беспрепятственное установление правовой связи с его кровным родителем. Требуется срочная и решительная законодательная поправка, которая поставит биологическое родство во главу угла и гарантировала бы одиноким отцам те же права, что и генетическим родителям в браке.

Специальный комитет экспертов Совета Европы по развитию биомедицинских наук, формулируя нормативные положения, касающихся суррогатного материнства, призвал обеспечить конституционно приемлемый баланс прав и законных интересов в первую очередь детей и лишь затем генетических родителей и суррогатной матери.

Существующий механизм установления родительских прав при суррогатном материнстве в РФ архаичен и порочен по своей сути. Он противоречит принципу приоритета биологического (генетического) родства, лежащему в основе современного семейного права, и создает систему, где ребенок изначально является разменной монетой в потенциальном конфликте между рождающей и генетической матерями. Эта проблема требует незамедлительного законодательного решения через закрепление презумпции происхождения ребенка от генетических родителей, как это сделано в ряде других стран (Украина, Грузия).

Проблема суррогатного материнства часто и долго обсуждается из-за сочетания этических, правовых и медицинских аспектов. Общество неоднозначно относится к этой практике, и дискуссии связаны с противоречиями: с одной стороны, суррогатное материнство позволяет бездетным парам стать родителями, с другой – вызывает вопросы, связанные с эксплуатацией женского тела и нарушением традиционных взаимосвязей «мать – дитя».

В 2022 г. Президент Владимир Путин подписал закон о запрете суррогатного материнства в России в интересах иностранных граждан. Теперь пользоваться услугами суррогатной матери могут только граждане РФ, состоящие в браке, или одинокие россиянки, которые не могут родить ребенка по медицинским показаниям [8].

Кроме того, в середине 2023 г. правительство обязало всех родителей, прибегающих для рождения ребенка к суррогатному материнству, проводить подтверждающие ДНК-тесты на родство с младенцем. Без такого медицинского заключения выношенный суррогатной матерью ребенок потенциальным родителям не будет передан.

По мнению автора, запрет на суррогатное материнство для иностранных граждан в России может быть воспринят как шаг к защите интересов отечественных семей и предотвращению возможной эксплуатации женщин. Однако такие меры также могут ограничить доступ к репродуктивным технологиям для тех, кто нуждается в них, что вызывает вопросы о праве на семью. Обязанность проводить ДНК-тесты на родство выглядит разумной, так как она обеспечивает дополнительную защиту и гарантии для всех участников процесса.

Международные нормы, такие как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), призывают государства защищать женщин от эксплуатации. Вопросы эксплуатации и коммерциализации остаются центральными в дебатах о легитимности суррогатного материнства. Правовое регулирование стремится найти баланс между репродуктивной свободой и защитой женщин, не допуская, чтобы материнство и деторождение превращались в рыночную услугу, основанную на экономическом неравенстве.

Перспективным направлением законодательства в данной теме является гармонизация национальных законодательств для предотвращения «репродуктивного туризма» и правовых конфликтов. Государству следует создать исчерпывающий федеральный закон, устанавливающий четкие правовые статусы всех участников и процедуру установления родительства.

Общественные организации могут играть ключевую роль в защите прав суррогатных матерей, обеспечивая им юридическое и психологическое сопровождение. Необходимо законодательно закрепить обязательное медицинское страхование и социальные гарантии для суррогатных матерей на весь период беременности. Государство должно учредить специализированные реестры и аккредитованные клиники для обеспечения полной прозрачности и контроля над программами суррогатного материнства.

Ярким примером, который показывает изменение в законодательстве, которые отличаются от современного времени, является решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга [3].

Так, заявитель обратился в суд с указанным заявлением. В обоснование своих требований заявитель указал, что обратился в организацию с целью реализации основополагающего неотъемлемого естественного права каждого человека – права на продолжение рода. Ввиду отсутствия у заявителя спутницы жизни ему пришлось воспользоваться услугами суррогатных матерей и донора ооцитов.

Он обратился к услугам суррогатной матери – гражданки Российской Федерации. В полость матки суррогатной матери был перенесен один эмбрион, принадлежащий заявителю, затем она родила ребенка и подписала нотариально заверенное согласие на запись заявителя дела в качестве отца и единственного родителя ребенка, рожденного ею вследствие участия в программе суррогатного материнства. Она понимала, что не будет иметь генетического родства с ребенком заявителя, не намеревалась заботиться о чужом для нее ребенке и принимать участие в его воспитании после рождения.

Обратившись в отдел регистрации актов гражданского состояния о рождении – для государственной регистрации ребенка, заявитель получил официальное извещение об отказе в государственной регистрации рождения ребенка. Там же ему пояснили, что органы ЗАГС не обладают в данном случае необходимыми полномочиями для регистрации детей, поскольку в федеральном законе «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ детально не прописана процедура регистрации ребенка, рожденного суррогатной матерью, если данная программа проведена для мужчины, не состоящего в зарегистрированном браке. Заявитель просит суд обязать органы ЗАГС произвести государственную регистрацию рождения ребенка заявителя, при этом в части «сведения о матери» в записях актов о рождении указать «прочерк».

В соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери).

Согласно ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Таким образом, действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не исключением является, по мнению суда, и право одиноких мужчин на рождение детей, создание семьи, в которую будут входить только ребенок и его отец.

Согласно п. 3 ст. 51 СК РФ, в случае рождения ребенка у матери, не состоящей в браке, фамилия отца ребенка в книге записей рождений записывается по фамилии матери, имя и отчество отца ребенка – по ее указанию. Учитывая то, что действующее законодательство не регулирует вопрос установления отцовства и регистрации рождения детей, не имеющих матери, а имеющих только отца, суд полагает необходимым использовать нормы действующего семейного законодательства по аналогии, учитывая то, что отсутствие правовых норм не может являться основанием для умаления и нарушения прав и законных интересов ребенка и его отца.

Суд полагает необходимым удовлетворить ходатайство заявителя об обращении решения к немедленному исполнению. Учитывая вышеизложенное и руководствуясь ст. 194-198, 212 ГПК РФ, суд решил, что нужно обязать Комитет по делам записи актов гражданского состояния произвести государственную регистрацию рождения ребенка на основании Медицинского свидетельства о рождении ребенка женского пола у суррогатной матери, с указанием в качестве отца ребенка заявителя дела, а в сведениях о матери в записи акта о рождении указать «прочерк».

На примере данного судебного решения видно, что раньше одинокие мужчины могли участвовать в программе суррогатного материнства в России. Но с 19.12.2022 согласно принятому Федеральному закону № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заключенный в таком случае договор признают недействительным, а зарегистрировать родительские права не получится.

Желание одиноких мужчин воспользоваться услугами суррогатного материнства может привести к уголовному делу, так как теоретически по статье 127.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [7] их могут привлечь к ответственности за торговлю людьми.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что Российское законодательство закрепляет суррогатное материнство как легитимную репродуктивную технологию. Однако правовая конструкция обладает внутренней противоречивостью: с одной стороны, она основана на договоре возмездного оказания услуг, а с другой – порождает уникальные семейно-правовые последствия. Это приводит к наличию многочисленных правовых пробелов, особенно в области защиты прав и интересов суррогатной матери, определения юридической судьбы ребенка при отказе от него генетических родителей, а также регулирования спорных ситуаций, связанных с некачественными эмбрионами или прерыванием программы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 18.02.2026).
2. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В.И. Кулакова» Министерства здравоохранения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncagp.ru/index.php?t8=323> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020, № 2-980/2020~М-740/2020 М-740/2020. [Электронный ресурс]. – (дата обращения: 18.02.2026).
4. Российские власти рассматривают возможность ограничения программ суррогатного материнства. РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60070dd79a79473e84982409> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Семейный кодекс Российской Федерации (принят 29.12.1995). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 18.02.2026).
6. Суррогатное материнство: полный обзор // Репродуктивная медицина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://replinica.ru/publication/reproduktivnaya-medicina/surrogatnoe-materinstvo-polnyj-obzor/> (дата обращения: 18.02.2026).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят 13.06.1996). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.02.2026).

8. «Материнство с оговорками»: как в России регулируется суррогатное материнство. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221219/materinstvo-1839722581.html> (дата обращения: 18.02.2026).